

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ

PROBLEMS OF ETHNOMUSICOLOGY

Д. А. Булатова

К вопросу о формировании тюркской смычковой культуры на Алтае и в Западной Сибири

Аннотация

Вопросы происхождения смычкового способа звукоизвлечения неизменно привлекают внимание исследователей разных традиционных культур. Статья рассматривает факторы, способствовавшие формированию смычковой культуры у тюрков Алтая и Западной Сибири в контексте существующих в науке версий о зарождении смычкового исполнительства в регионах Евразии.

Ключевые слова: тюркские смычковые хордофоны, становление смычковой культуры, алтайские скифы, ранние тюрки, Пазырыкская арфа.

D. A. Bulatova

On the Formation of the Turkic Bowed Culture in Altai and Western Siberia

Summary

The issues of the origin of the bowed method of sound production and the study of the early stages of the bowed culture development invariably attract the attention of researchers. Based on written, historical-ethnographic, archaeological data, the outstanding German organologists C. Sachs and W. Bachmann put forward a version of the origin of bowed performance in Central Asia — the place of historical settlement of Turkic-speaking nomadic tribes — in the last centuries of the first millennium AD. Archaeological study of ancient Khorezm, which revealed new iconographic materials, allowed scientists (R. Sadakov, Yu. Rappoport) to move this boundary back a millennium. Bulgarian scientist S. Donchev suggested that the bowed method of sound production was mastered by the Turkic tribes of the Uighurs and ancient Bulgars even during the period of their entry into the Hunnic tribal union. In the article, the author examines the factors that contributed to the formation of the bowed string culture among the Turks of Altai and Western Siberia. The most important are the use of the bow as the main weapon in hunting animals and birds, early methods of processing wood and leather, and the use of a horse as the main attribute of nomadic life. Possible confirmation of the existence of a bowed lute among the Altai Scythians in the middle of the first millennium BC are the finds of fragments of musical instruments discovered in the Pazyryk burial mound, presumably attributed as lutes by the organologist K. Vertkov, and as bowed instruments by the religious scholar and ethnographer V. Basilov.

Keywords: Turkic bowed chordophones, the formation of the bowed string culture, Altai Scythians, early Turks, Pazyryk harp.

Древняя история тюрков Евразии связана с культурой кочевых племён. Примечательны наблюдения, сделанные российским историком-археологом А. Н. Бернштамом: «Прослеживая по археологическим памятникам историю развития кочевых обществ и выявляя автохтонный процесс их развития, мы приходили к выводу, что там, где, начиная с эпохи бронзы, шёл процесс формирования кочевого общества, там конечным результатом процесса являлся тюркский этногенез» [разрядка автора. — Д. Б.] [3. С. 148]. Определяющим для тюркских обществ как в центральноазиатских державах, так и в регионах Сибири является пастушеско-скотоводческое хозяйство (гунны — орхонские тюрки), тогда как охотничьи хозяйства свидетельствовали о монголизации общества (жужане, кидане, монголы). Этногенез тюрков Средней Азии также был связан с регионами с преимущественным преобладанием кочевого хозяйства, в то время как земледельческая культура исторически была свойственна иранским племенам [См.: 3. С. 149]¹.

Интенсивные поиски места зарождения смычковой игры привели учёных к региону Центральной Азии — ареалу исторического расселения кочевых тюркоязычных племён. Основоположник немецкой школы инструментоведения Курт Закс относит происхождение ряда смычковых инструментов — смычковой цитры, смычковой лютни — к территории Туркестана конца первого тысячелетия н. э. Так, название китайской смычковой лютни хуцинь учёный связывает с одним из терминов, которыми китайцы называли тюркоязычных уйгуров [См.: 16. Р. 217]. Немецкий органист Вернер Бахман, существенно расширив источниковую базу исследования этой темы и обратившись к широкому кругу письменных, историко-этнографических, иконографических данных [См.: 2; 15], также приходит к выводу о центральноазиатском происхождении смычковых инструментов, с локализацией «в Хорезме и Трансоксании» [2. С. 358].

Учёный ссылается на труд персидского писателя Ибн-Хордадбега, указывавшего на бытование здесь двухструнного народного инструмента: «Согласно преданию, какой-то бухарский пастушок играл на нём так чудесно, что наяды завлекли его к себе» [2. С. 354]. Другое подтверждение этому тезису автор находит в трактате о музыке Дервиша Али (начало XVII века), в котором указывается на изобретение смычковых инструментов во времена султана Махмуда Газневи (998–1030) Назиром-и-Хусрау и знаменитым учёным Ибн-Синою, который в своём трактате «Китаб ас-Сифа» («Книга исцеления») впервые описал группу смычковых инструментов [См.: 2. С. 355–356].

Версия о наиболее раннем использовании смычка у тюркских племён — уйгуров и булгар — ещё во времена их вхождения в Хуннский состав племён в Центральной Азии (до середины I тысячелетия) была высказана болгарским учёным Слави Дончевым, по мнению которого, в эпоху Великого переселения народов в V веке древние булгары принесли смычок в Европу. Учёный обнаружил, что в старонемецком эпосе «Песнь о Нибелунгах» повествуется о присутствии скрипачей при дворе Атиллы — великого предводителя гуннов [См.: 4]. Эта версия находит подтверждение и в древнеуйгурских источниках, содержащих термины *kopuz* и *kişak*, коррелирующие с обозначениями смычковых хордофонов².

Достижения археологии позволили учёным отодвинуть предполагаемую границу возникновения смычкового способа звукоизвлечения к первому тысячелетию до нашей эры. На основе изучения памятников древнего изобразительного искусства Центральной Азии (коропластики, торевтики, настенных росписей, каменных скульптур), относящихся к I тыс. до н. э. — VIII–XIX вв. н. э., музыкальный археолог Р. Л. Садоков сделал вывод о существовании лютневидных хордофонов, на которых звукоизвлечение осуществлялось как щипковым, так и фрикционным (смычковым) способом. «Предположение о родине смычковых инструментов — Сред-

ней Азии можно считать археологически аргументированным, — утверждал учёный, — а хронологически истоки смычковой игры отнеси на тысячелетие раньше — к концу первого тысячелетия до н. э.» [12]. Одновременно с этим автор допускал, что Центральная Азия может являться не «единственной колыбелью смычковых инструментов», а лишь «одним из очагов культуры смычкового исполнительства» [13. С. 147].

Изучение памятников материальной культуры Центральной Азии первой трети первого тысячелетия н. э. давало почву для продолжения исследований в направлении изучения истории смычковой культуры. Так, на настенной росписи Дворца Топрак-Кала — «священного дворца» царей Хорезма II–III вв. — археологом Ю. А. Раппопортом были обнаружены изображения музыкальных инструментов, среди которых учёный усмотрел очертания хордофона, напоминающего гиджак, с расположенным рядом с ним смычком. Достаточно отчётливо на изображении видны три струны, что позволяет считать его в достаточной степени достоверным [См.: 10. С. 161–163].

Особое место в этногенезе тюркских народов занимают Алтай и историческая территория Юга и Запада Сибири. По мнению ряда историков, прежде всего С. Г. Кляшторного [6; 7], Алтай является колыбелью тюркского мира, именно здесь происходило формирование тюркского субстрата и характерной для него культуры кочевой цивилизации. Происходившее в древности в регионе Алтая историческое развитие тюрков и их государственности имеет определяющее значение в формировании культурного облика тюркского этноса.

Характер материальной культуры тюркских племён на Алтае, который определяется по важным открытиям, сделанным историко-археологической наукой последних веков [См.: 5. С. 265], свидетельствует о формировании в этом регионе племён, ведущих кочевой образ жизни, и соответствующего ему типа хозяйственной деятельности.

Письменные источники и археологические материалы зафиксировали племена кочевников, которые в VI–VIII веках обитали в восточной

части Центральной Азии. Их кочевья распространялись и на горную местность Южной Сибири — Алтай, Саяны, и на районы, примыкающие к Саянским и Алтайским горам с севера (Минусинская котловина, верховья р. Оби) [См.: 5. С. 265]. Учёные фиксируют два крупных объединения тюркоязычных племён, сыгравших решающую роль в образовании тюркского кочевого ландшафта в регионе в этот период: *теле* и *тюкю*³. От этнонима тюкю/тюркют происходит и название тюркской языковой группы, хотя на близких языках говорили в то время и теле, и уйгуры, и другие племена (огузы, кипчаки).

Тюкю по происхождению связаны с более ранними племенами *хунну* и *динлинов* (ветви гуннов, находившихся с ними в длительной вражде). Уцелел ряд генеалогических легенд и преданий, в которых говорится, что предки тюкю были связаны с государством северных хуннов. Летопись Суйской династии (VI — нач. VII в.) называет тюкю варварами «смешанного происхождения», подчёркивая, что одними из предков тюкю были хунну, от которых они унаследовали свои обычаи и верования. Археологические материалы подтверждают сведения китайских летописей о происхождении теле и тюкю от хунну. Древние захоронения хунну и древних тюрков носят явную преемственную связь.

На территории Алтая обнаружены наиболее крупные памятники своеобразной рунической письменности тюрков — мемориалы Бильге-кагана, Куль-тегина, свидетельствующие о существовании у тюрков высшего типа социального устройства и собственной системы мировосприятия.

Тюкю делились на восточных (или северных) и западных. Племя *кыпчак*, упомянутое как враг *уйгуров* в одной из древних рунических надписей на камне в Монголии, возможно, относилось к восточным (северным) тюкю.

Племенным объединением тюкю во главе с правителями из рода Ашина было создано первое государство древних тюрков, которое в научной литературе получило название Тюркский каганат.

В регионе Западного Алтая в это время кочевали другие тюркоязычные племена (карлуки, тюргеши), среди которых были и *кыпчаки*.

Здесь зафиксированы установленные позднее каменные бабы, или балбалы: изваяния, обращённые лицом на восток, которые держат «в руке перед пупком чашу», встречающиеся в разных регионах расселения кыпчакских племён — от Сибири до южнорусских степей.

Считается, что автохтонные тюркоязычные племена являются предками современных тюркоязычных народностей Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев, телеутов). Так, древние тюркские предания и легенды, свидетельствующие о связи древних тюрков с нынешними тюркскими народами Южной Сибири, сохранили память о государстве Со, которое находилось в Саяно-Алтайском нагорье. Название это дошло до наших дней в этнониме одного из алтайских родов — кумандинцев. По легенде, один из сыновей предка-шамана превратился в лебедя. Род лебедя (куулар) до нашего времени сохранился у тувинцев и северных алтайцев. У современных тюркских народов Южной Сибири (тувинцев, хакасов, кумандинцев, телеутов) до сих пор лебедь является одним из важнейших тотемов. В смычковых культурах тюрков до последнего времени сохранялась память о тотемной птице: в репертуаре исполнителей присутствовали звукоподражательные наигрыши под названием «Лебедь» («Акку» казахов, «Ак куу» киргизов, «Аккош» татар). Согласно народным преданиям, родоначальник казахских баксы Коркут «был рождён от лебедя или от пери, облачённых в лебяжью шкуру» [8. С. 41]. Сам же образ тотемной птицы был заложен в облике смычкового хордофона, о котором немецкий естествоиспытатель и исследователь быта народов России XVIII века П. С. Паллас писал, что «звук оного, когда по струнам из лошадиных волос смычком из оных же волос сделанным поведёшь, подобен лебединому крику, как и самый сей инструмент вид лебедя имеет» [9. С. 183].

Южная Сибирь — регион, в котором бытование смычковых инструментов (игил тувинцев, ыых хакасов, икили алтайцев и др.) отражает мировоззрение древних тюрков. По очень меткому высказыванию В. Ю. Сузукей, культура тувинцев сохранила «сложившийся в давнюю эпоху эстетический идеал, образ неразделённости человека и природы», который

«был присущ всем кочевым народам Центральной Азии» [14. С. 16]. Смычковые культуры южносибирских тюрков сохранили наиболее архаические пласты музыкальной культуры, определяемые древними верованиями — тенгрианством и шаманизмом. Древние звукоподражательные наигрыши, связанные с образами природы, священных животных и птиц, которые составляют основу репертуара музыкантов, свидетельствуют о сохранении ранних анимистических представлений о неразрывности человека и природы.

С древних времён проживавшие в регионе тюркские племена (теле, тюкю, древние кыргызы) были шаманистами. Их традиционными верованиями были анимизм, вера в существование духов, влияющих на судьбу человека, в загробную жизнь, которую представляли себе по образу земной. Жертвоприношения, гадания о будущем, лечение больных были обязанностями шаманов (которыми могли быть как мужчины, так и женщины).

Археологические изыскания в регионе Южной Сибири очень ярко характеризуют материальную основу, на которой зарождение смычкового инструментария было процессом естественным.

Наскальные изображения сохранили сцены охоты на животных, в которых наиболее распространённым орудием является лук. В могильнике Кудырге на Алтае найдены сёдла, на костяных обкладках передней луки которых также присутствует мотив охоты на копытных зверей: всадники, водрузившиеся на коней, на полном скаку стреляют в животных из лука. Учитывая, что лук наиболее часто встречается в древнем изобразительном искусстве региона, охотничий промысел с использованием лука был одним из основных видов деятельности того времени. Напомним, что учёными неоднократно высказывалось предположение о происхождении смычковых хордофонов от охотничьего лука, что даёт основание считать превалирующий в жизни региона *охотничий промысел одним из важнейших факторов* формирования смычковой культуры.

Одними из наиболее характерных видов домашнего производства древних тюрков были

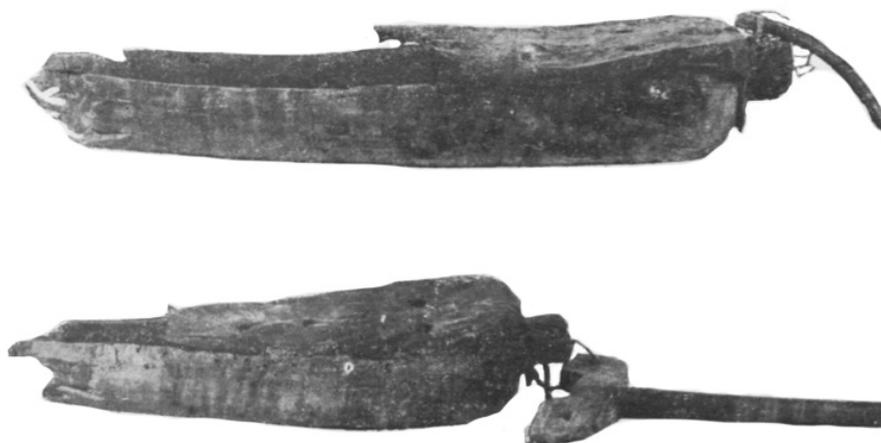
выделка кож и шкур домашних и диких животных и изготовление различных изделий из дерева. *Обработка дерева и кожи* — материалов, из которых изготавливают хордофоны, как основа хозяйственной деятельности и высокое мастерство в обработке и использовании этих материалов, которым обладали предки современных южносибирских тюрков, можно считать *вторым важнейшим фактором* становления смычковой культуры. «Из дерева делали деревянные части юрты, основу седла, повозки, различную крупную и мелкую утварь и, в частности, посуду, не говоря уже о древках стрел, черенках ножей и плетей, ножнах и разных украшениях для сбруи. В древнетюркских курганах в Туве обнаружены почти полностью сохранившиеся деревянные основы сёдел» [5. С. 275]. Из домашней утвари по раскопкам известна главным образом посуда, причём деревянная — блюда и чашки.

Наконец, жизнь древних тюрков не мыслилась без *коня* — главного помощника тюрка и его спутника во всех делах. Войны, в которых участвовали тюрки, охоту на животных — они вели на коне. И это можно считать *третьим важнейшим фактором* становления смычковой культуры, так как конский волос был необходим для изготовления и струн инструмента, и смычка.

Своего рода предыстория, или ранняя история тюркской цивилизации открывается в ар-

хеологических памятниках, относящихся к более раннему времени, а именно к середине I тысячелетия до н. э. Это знаменитые *курганы Пазырыкского типа Горного и Центрального Алтая* (пазырыкские, башадарские, туэтинские и др.). Эти памятники принадлежат к культуре так называемых восточных, алтайских «скифов», так как по своему стилю близки многим другим археологическим находкам того же периода, обнаруженным в других регионах Евразии и определяемым учёными как находки скифского периода. Стиль, который получил название «звериного», характеризуется многочисленными изображениями животных в разных изделиях ручной работы и достаточно широко изучен археологической и искусствоведческой наукой. Это выдающиеся памятники и по представительству вещевых материалов, и по их ценности, и по высокой сохранности в условиях мерзлоты. Открывший эти памятники для истории археолог и этнограф С. И. Руденко составил подробное описание всех найденных предметов [См.: 11].

Среди этих предметов есть и ценнейшие находки для музыкальной науки — два фрагмента музыкальных инструментов (см. ил. 1), атрибуция которых занимала и продолжает занимать умы многих учёных и музыкантов-практиков (В. И. Руденко, К. А. Вертков, В. Н. Басилов, О. Олейник, А. Гнездилов и др.).

Ил. 1. Археологические находки: фрагменты музыкальных инструментов из Пазырыкского кургана [12. Табл. XXIV, 10 и 11]

Среди версий самого В. И. Руденко, который безусловно обращался для подтверждения своих научных выводов к специалистам по музыкальным инструментам, были лютневидный и арфообразный инструменты: «Резонансные корпуса струнных инструментов по типу совершенно одинаковы и выдолблены из куска цельного дерева (табл. XXIV, 10 и 11). Открытая часть корпуса, примерно на три четверти длины, затянута мембраной-декой из выделанной тонкой кожи. На деке три резонансных отверстия, два из которых расположены внизу и одно вверху. Дека укреплена на корпусе тонкими деревянными шпёнками. В нижней, выпуклой части корпуса, в центре, вырезан, в виде особого выступа, струнодержатель. Оба резонансных корпуса и кожаные мембраны-деки показывают превосходное качество выработки; на одном из них, на тыльной стороне, остались три врезных углубления, по-видимому, от каких-то вставок-украшений. В месте перехода корпуса в шейку оба инструмента обломаны. По типу данные инструменты относятся к той же категории, что индийская саринга, казахский кобыз или марокканский ребаб; с последним их особенно сближает пустотелость шейки. Отсутствие шейки и в особенности головки лишает возможности решить, были ли данные инструменты лютневого (тамбуровидного) типа или представляли собой вид арфы» [11. С. 45].

Для определения типа и аналитического описания инструмента С. И. Руденко обратился к известному органологу, одному из авторов «Атласа музыкальных инструментов народов СССР» К. А. Верткову, который идентифицировал данный артефакт как образец лютневого типа. Вряд ли опытный специалист, через руки которого прошли сотни образцов музыкальных инструментов, мог ошибиться в своём предположении. Тем не менее в науке получила распространение версия мастера-реставратора А. Гнездилова, по которой инструмент был отнесён к типу арфы (с соответствующим названием «скифская арфа»), а образцы реконструкции даже стали экспонатами российских музеев — Государственного Эрмитажа и Российского национального музея музыки (см. ил 1).

Есть основания считать, что «скифская арфа» была не арфой, а лютней, подтверждением чему служат, во-первых, массивный выступ в основании, к которому крепились струнодержатели хордофонов типа лютни, а во-вторых, сохранившаяся в подлинных фрагментах кожаная дека, на которую проблематично было бы установить все те конструкции, которые были предложены мастером. Известный этнограф и религиовед, доктор исторических наук В. Н. Басилов выдвинул идею о принадлежности найденных в Пазырыкском кургане инструментов к смычковым [См.: 1]. Учёный обратил внимание на изогнутую форму обнаруженных фрагментов (которая характерна для многих смычковых хордофонов тюрков типа лютни) и на следы потёртостей в местах возможного движения смычка: «Какие особенности скифского инструмента позволяют думать, что на нём играли смычком? Прежде всего положение струн. Почему они не натянуты близко к мембране? Потому что они идут одна над другой, повторяя расположение струн на арфе. Одна из них, нижняя, скорее всего, была несколько выдвинута вбок, чтобы струны не находились строго в одной плоскости с продольной осью инструмента. Это позволяли сделать и колки, вставленные в гриф с разных сторон, и кожаные патрубки; возможны и другие конструктивные решения. Тем не менее струны шли почти одна над другой, и смычок должен был двигаться по возможности ближе к продольной оси кузова. Его стенки могли затруднять движения смычка. Чтобы этого избежать, струны следовало натягивать достаточно высоко над декой; скифские мастера так и поступали. С этой же целью был выгнут и корпус инструмента. Благодаря этому изгибу увеличивается расстояние между корпусом (особенно в его узкой части, где музыкант водил смычком) и струнами. Для удобства игры и сам корпус сужен почти посередине. Боковые стенки его везде слегка наклонены внутрь. Но в узком месте кузова этот наклон наибольший. Здесь в своей верхней части корпус имеет ширину 4,5 см (включая стенки, толщина которых у краёв составляет 0,4–0,5 см). В самом узком месте нет дырочек или иных следов от накладных украшений. Это естественно: укра-

шения мешали бы смычку. Но интереснее всего вот что. В самой узкой части корпуса с обеих его сторон на плоскости площадью примерно 5×3 см дерево выглядит светлее, чем на соседних участках; характер поверхности позволяет предположить потёртость. На стороне АБ [АВ] и без лупы ясно видны царапины, идущие поперечно волокнам дерева, т. е. сделанные каким-то предметом, двигавшимся так, как должен был бы двигаться смычок» [1. С. 145–146].

Размышления известного историка и религиоведа, автора трудов о шаманизме были основаны не только на изучении конструктивных свойств указанных находок, но и на глубоком знании культуры древних тюрков — наследников культуры южносибирских скифов. Учёный увидел в этом инструменте предшественника смычкового хордофона тюркских шаманов.

Исследование истоков формирования смычковой культуры в регионах наиболее раннего расселения тюркских кочевых племён должно быть продолжено на основе изучения обширной источниковой базы, однако уже на настоящем этапе можно относить становление смычкового способа звукоизвлечения в культуре народов Алтая и Южной Сибири к наиболее раннему периоду в истории тюркской цивилизации. Основы материальной культуры ранних тюрков и их предшественников — алтайских скифов, подкреплённые соответствующими археологическими артефактами, позволяют считать Сибирь наряду с Центральной Азией одним из первых очагов смычкового исполнительства.

Примечания

- ¹ А. Н. Бернштам ссылается также на исследования Н. Я. Марра относительно народов Сибири, например, якутов [См. 3. С. 149].
- ² По материалам рукописного доклада О. Ф. Серт-кайа на Международной конференции «Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов» (Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова, 23 сентября 2014 г.).
- ³ Тюкю — написание, которое встречается в китайских летописях. В исторической науке эти племена принято называть тюркюты.

Список литературы

References

1. *Басилов В. Н.* «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // Советская этнография. 1991. № 4. С. 140–154.
Basilov V. N. “Skifskaja arfa”: drevnejshij smychkovyj instrument? [“Scythian Harp”: the oldest bowed instrument?]. *Sovetskaja jetnografija*. 1991, no. 4, pp. 140–154. (In Russ.)
2. *Бахман В.* Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 2. М.: Советский композитор, 1973. С. 349–373.
Bahman V. Sredneaziatskie istochniki o rodine smychkovyh instrumentov [Central Asian sources about the homeland of bowed instruments]. *Muzyka narodov Azii i Afriki*. Iss. 2. Moscow, Sovetskij kompozitor, 1973, pp. 349–373. (In Russ.)
3. *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. Вып. 6–7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 148–158.
Bernshtam A. N. Drevnejshie tjurkskie jelementy v jetnogeneze Srednej Azii [The most ancient Turkic elements in the ethnogenesis of Central Asia]. *Sovetskaja jetnografija*. Iss. 6–7. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1947, pp. 148–158. (In Russ.)
4. *Дончев С. Г.* К вопросу о происхождении струнных смычковых инструментов и наиболее раннем появлении их в Европе // Вопросы истории и теории искусств. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1992. С. 40–67.
Donchev S. G. K voprosu o proishozhdenii strunnyh smychkovyh instrumentov i naibolee rannem pojavlenii ih v Evrope [On the origin of bowed string instruments and their earliest appearance in Europe]. *Voprosy istorii i teorii iskusstv*. Cheboksary, NIIJaLIJe, 1992, pp. 40–67. (In Russ.)
5. *История Сибири с древнейших времён до наших дней: В 5 т. Т. 1: Древняя Сибирь* / Глав. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. 454 с.
Istorija Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnei. In 5 Vol. Vol. 1: Drevnjaja Sibir’ [History of Siberia from ancient times to the present day]. Ed. A. P. Okladnikov, V. I. Shunkov. Leningrad, Nauka, 1968, 454 p. (In Russ.)
6. *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 590 с.
Kljashpornyj S. G. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis’mennosti i jetnokul’turnaja istorija Central’noj Azii [Monuments of ancient Turkic writing and the ethnocultural history of Central Asia]. St. Petersburg, Nauka, 2006, 590 p. (In Russ.)
7. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Древней Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 345 с.
Kljashpornyj S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii Drevnej Evrazii [Steppe empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg, Peterburgskiy universitet, 2005, 345 p. (In Russ.)
8. *Кукашев Р. Ш.* К образу лебедя в казахском шаманстве // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 38–44.
Kukashev R. Sh. K obrazu lebedja v kazahskom shamanstve [On the image of a swan in Kazakh shamanism]. *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2002, no. 6, pp. 38–44. (In Russ.)
9. *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: АН, 1786. 571 с.
Pallas P. S. Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva po povelenuju Sanktpeterburgskoj Imperatorskoj Akademii Nauk [Travel to various places of the Russian state by order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences]. P. 2. B. 2. St. Petersburg, Akademiya Nauk, 1786, 571 p. (In Russ.)
10. *Раннопорт Ю. А.* Центральный массив // Топрак-Кала. Дворец / Отв. ред. Ю. А. Раппопорт, Е. А. Неразик. М.: Наука, 1984. С. 53–194.
Rappoport Ju. A. Central’nyj massiv [Central Massif]. *Toprak-Kala. Dvorec*. Ed. Ju. A. Rappoport, E. A. Nerazik. Moscow, Nauka, 1984, pp. 53–194. (In Russ.)
11. *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с.
Rudenko S. I. Vtoroj Pazyrykskij kurgan. Rezul’taty rabot jekspedicii Instituta istorii material’noj kul’tury Akademii nauk SSSR v 1947 g. Predvaritel’noe soobshhenie [The Second Pazyryk Mound. Results of the Expedition of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1947. Preliminary report]. Leningrad, Izdatelstvo Jermitazha, 1948, 64 p. (In Russ.)
12. *Садоков Р. Л.* Древние среднеазиатские музыкальные инструменты с фрикционным способом звукоизвлечения // Тезисы докладов на Сессии, посвящённой итогам полевых и этнографических и антропологических исследований в 1974–1975 гг. / Отв. ред. В. Н. Басилов. Душанбе: Дониш, 1976. С. 271–272.
Sadokov R. L. Drevnie sredneaziatskie muzykal’nye instrumenty s frikcionnym sposobom zvukoizvlechenija [Ancient Central Asian musical instruments with friction method of sound production]. *Tezisy dokladov na Sessii, posvjashhjonnoj itogam polevyh i jetnograficheskikh i antropologicheskikh*

- issledovanij v 1974–1975 gg.* Ed. V. N. Basilov. Dushanbe, Donish, 1976, pp. 271–272. (In Russ.)
13. *Садокоев Р. Л.* Древние среднеазиатские лютни с фрикционным способом звукоизвлечения // Этнография и археология Средней Азии: Сборник статей / Ред. А. В. Виноградов и др. М.: АН СССР, 1979. С. 143–147.
- Sadokov R. L.* Drevnie sredneaziatskie ljutni s frikcionnym sposobom zvukoizvlechenija [Ancient Central Asian musical instruments with friction method of sound production]. *Jetnografija i arheologija Srednej Azii: Sbornik statej.* Ed. A. V. Vinogradov. Moscow, Akademiya Nauk SSSR, 1979, pp. 143–147. (In Russ.)
14. *Сузукей В. Ю.* Проблемы научного изучения и практического освоения тувинской музыки (На примере тувинского инструментального искусства) // Новые исследования Тувы. 2017. № 2. С. 4–24.
- Suzukey V. Ju.* Problemy nauchnogo izuchenija i prakticheskogo osvoenija tuvinskoj muzyki (Na primere tuvinskogo instrumental'nogo iskusstva) [Problems of scientific study and practical development of Tuvan music (Based on the example of Tuvan instrumental art)]. *Novye issledovanija Tuvy.* 2017, no. 2, pp. 4–24. (In Russ.)
15. *Bachmann W.* Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels. 2e Aufl. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1966. 207 S.
- Bachmann W.* Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels [The Beginnings of String Instrument Playing]. 2nd ed. Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1966, 207 p. (In German)
16. *Sachs C.* The history of musical instruments. New York: Norton, 1940. 505 p.
- Sachs C.* The history of musical instruments. New York, Norton, 1940, 505 p. (In Engl.)

Об авторе

Булатова Динара Айдаровна
Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Российский институт истории искусств»
старший научный сотрудник
кандидат искусствоведения
Россия, Санкт-Петербург
dinara.bulatova@mail.ru

About the author

Bulatova Dinara Aidarovna
Federal State Budgetary Research Institution
“Russian Institute of Art History”
Senior Researcher
Ph.D. in Art History
Russia, St. Petersburg
dinara.bulatova@mail.ru